

ИНКРУСТИРОВАННЫЙ ПОВТОР МОРФЕМ КАК ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ладутько Марина Владимировна

доцент кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Ключевые слова: поэтический текст, интенсив, морфема-интенсификатор, повтор.

В работе представлены модели реализации инкрустированного повтора в поэтических текстах с целью создания у адресата ассоциаций, направляющих интерпретацию текста.

Поэтический текст, стимулирующий проявление потенциальной интенсивности языковых единиц и одновременно являющийся результатом их деятельности, назовем интенсивом. Среди факторов, значительно повышающих интенсивность текста, отметим такие, как содержание в тексте яркой эмоционально-оценочной характеристики субъекта/объекта психологического воздействия и применение приемов, стимулирующих проявление интенсивности.

Употребление морфем-интенсификаторов в поэтическом тексте связано с выдвиганием, причем их акцентирование вызывает у адресата определенные ассоциации, направляющие интерпретацию текста. На морфемно-словообразовательном уровне приемы, стимулирующие проявление интенсивности поэтического текста, основаны преимущественно на различных видах повторения одних и тех же морфем.

Интенсифицирующий повтор словообразовательных конструкций с общим аффиксом мы рассматриваем как разновидность приема, основанного на сопоставлении или противопоставлении словообразовательных конструкций, вступающих в контекстуально-обусловленные синонимические отношения. Причем носителем общего признака, призванного подчеркнуть тождественность коммуникативных возможностей словообразовательных конструкций, выступает повторяющийся аффикс.

Интенсивы, построенные на приеме инкрустированного повтора, отличаются единым дифференцирующим “выпадом”, врезанным в словесную ткань. Чаще всего интенсивность поэтического текста репрезентируется рядами разнокорневых глаголов с общим аффиксом. Так, в стихотворении З.Гиппиус “Заклинанье” повтор разнокорневых глаголов с общим префиксом **раз-** символизирует ритуальное действие очищения человеческих взаимоотношений на фоне событий 1917 года: *Расточитесь, духи непослушные, Разомкнитесь, узы непокорные, Распадитесь, подземелья душные, Лягте, вихры, жадные и черные. Тайна есть великая, запретная. Есть обеты — их нельзя развязывать. Человеческая кровь — заветная: Солнцу кровь не велено показывать. Разломись Оно, проклятьем цельное! Разлетайся, туча исступленная! Бейся сердце, каждое, отдельное, Воскресай, душа освобожденная!*

“Мы закрепили, завинтили наше представление о мире, как гайку затягивают. ...Как можно выбраться из этой ловушки? Прежде всего, осознать, что мы существуем не в одном, а во множестве миров” [1, с. 245]. Возможно, это объясняет, почему неперсонифицированный субъект, двойственный в своей природе — языческой и христианской, заклинает: “расточитесь, разомкнитесь, распадитесь, разломись, разлетайся”, заставляя вслушаться в то, как миры проникают друг в друга через Тебя, знающего, что “человеческая кровь — заветная: солнцу кровь не велено показывать”. Выдвижение разнокорневых глаголов ситуативно и контекстуально-обусловленной семантической группировки *расточитесь*,

разомкнуться, распасться, развязывать, разломиться, разлетаться актуализирует семантическое значение префикса **раз-** (**разо-, рас-**), который в составе свободных и связанных глагольных основ участвует в образовании интенсифицирующей номинации развивающегося состояния, внося свои семы: “в разные стороны” (разлетаться, расточиться), “деление на части, разрушение” (распасться, разломиться), “разъединение связанного ранее” (разомкнуться, развязывать). Шестикратный повтор морфемы-интенсификатора **раз-** в ряду пересекающихся компонентов создает слитый, мощно заряженный эффект эмоционального воздействия на адресата с апелляцией к его сознанию, к его модели мира.

“В поэзии, в которой все есть мера и все исходит от меры и вращается вокруг нее и ради нее, измерители суть орудия особого свойства, несущие особую активную функцию” [2, с. 114]. В цикле стихотворений “Провода” М. Цветаевой мера жертвенности женщины в любви эксплицирована глаголами *выстрадать — выворотить — выкроважить*: *Не чернокожищица! В белой книге Далей донских наводрила взгляд! Где бы ни был — тебя настигну, Выстрадаю — и верну назад. Ибо с гордыни своей, как с кедра, Мир озираю: плывут суда, Зарева рыщут... Морские недра Выворочу — и верну со она! Перестрадай же меня! Я всюду: Зори и руды я, хлеб и вздох, Есмь я, и буду я, и добуду Губы — как душу добудет бог: Через дыхание — в час твой хриплый, Через архангельского суда Изгороди! — Все уста о шипья Выкроважю и верну с одра!..*

Весь цикл стихов “Провода” — это вынесение на суд интимно-личностного понимания любви, это вызов “я”-субъекта-женщины “я”-субъекту-мужчины — “перестрадай же меня!”, это ответ Эвридики Орфею. Использование в создании текста приема скачка неожиданно, но тем ярче раскрывается трагически нарастающее действие, тем сильнее мотивировка глаголов *выстрадаю, выворочу, выкроважю* как семантических вершин строф. И поэтому вся архитектоника смысла этого стиха как бы заключена в коннотативном значении префикса-интенсификатора **вы-** “прилагая усилия, обозначаемые основой глагола, получить желаемую ценность”, а степень отклонения от нормы — средняя (выстрадать, выворотить) и высшая (выкроважить) определяется сопряжением коннотативных значений префикса и корней в составе основ глаголов.

Таким образом, повтор морфем (корневых и аффиксальных), проходящий через все повествование, приводящий в движение и определяющий отношения других компонентов текста, может быть определен как доминантный. Учитывая то, что значимость какого-либо элемента в модели мира автора произведения находится в положении корреляции с частотой употребления этого элемента в тексте, мы квалифицируем доминантный повтор как повтор, выполняющий лейтмотивную функцию.

Литература

1. Соловьев, С. Пир. – Симферополь, 1993.
2. Мандельштам, О. Слово и культура: Статьи. – М., 1987.